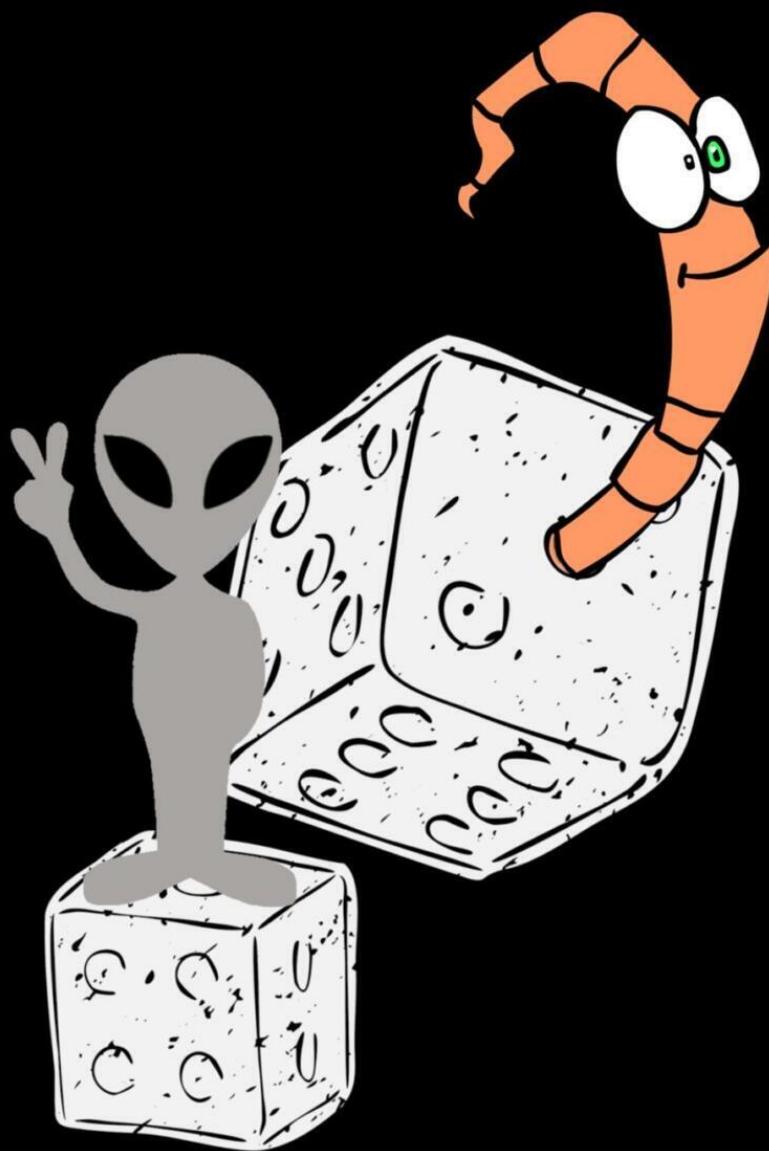

СЕРГЕЙ БЕЛОКРЫЛЬЦЕВ

ВЕЛИКОЕ НИГДЕ – 1:

ПОБЕГ ИЗ ШУРШЕНКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Белокрыльцев

**Великое Нигде:
Побег из Шуршенка**

«Автор»

2023

Белокрыльцев С. В.

Великое Нигде: Побег из Шуршенка / С. В. Белокрыльцев —
«Автор», 2023

Когда в холодильнике лежит одна земля, а над миром довлеют пятые точки, жизнь становится действительно интересной и захватывающей... Двое братьев скрываются от пришельцев в Бесконечном мире, так как один из них стал свидетелем инцидента. Корабль пришельцев подвергся нападению местного отряда ГМО, и пришельцы в порядке самообороны были вынуждены уничтожить этот отряд. На этом основании пришельцы решают объявить войну Бесконечному миру. Но им нужен один из братьев как очевидец для дачи показаний на Межгалактическом Совете. Братья пускаются в бега по Ничейным степям. По пути они повстречают грызунов-зюзигов, червяка в скафандре, зеленокожего старика и окажутся заброшенном городе.

© Белокрыльцев С. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Великое Нигде и Пяточка	6
2. Броккен Мун и Гербес Бенок	9
3. Бол, Морф, доктор Зонтберг и Синьяк	16
4. Зов войны	21
5. Братья	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Белокрыльцев
Великое Нигде: Побег из Шуршенка

1. Великое Нигде и Пяточка

Легендарная своим устройством и населением столица Бесконечного мира Новаском настолько олегендарилась, что неофициально так стали звать и весь Бесконечный мир – один из миров Великого Нигде.

Вполне возможно, что Великое Нигде в разных формах существовало всегда и везде, как бы это ни трудно было принять. Размеры Великого Нигде дай бог каждому. Наша Вселенная, являющаяся частью Великого Нигде, для него всего лишь жалкая точка.

У Великого Нигде имеется много разных точек, в том числе Точка Отсчёта Всего Сущего и Точка Конца Всего Сущего, которая вроде конечной остановки (“Всё, ребята, приехали, дальше сами!” – “Куда дальше-то?!” – ошарашенно думают ребята, провожая изумлёнными взглядами неспешно удаляющийся автобус и сжимая похолодевшими пальцами ручки и лямки поклажи). Правда, эти две точки никто никогда не видел, но многим хотелось бы. Только вот непонятно, а зачем? Может, кому-то проще жить, если ему заранее скажут, где начинать, а где заканчивать?

В Великом Нигде в созвездии Дракона находится самая сверхмассивная из самых сверхмассивных пятых точек Пятая Точка ДНО-618, один из крупнейших объектов Великого Нигде. Влияние любой пятой точки столь велико, что она своей загибающей гравитацией всасывает в свою ненасытную утробу даже пролетающий поблизости свет со всеми его фотонными потрохами и искривляет пространство.

Открыли Пятую Точку ДНО-618 воинственные астрономы города Звёздной Метлы, что находится в Колибри Левой стороны, одной из южных стран Бесконечного мира. В Бесконечном мире есть всё то, чем может похвастать Земля, даже колибри и воинствующие астрономы, и сверх того много чего ещё. Именно воинственность колибрицев заставила их первыми в Великом Нигде изобрести огнестрельное оружие. Изначально диаметр ствола измерялся в колибри, которые являются символами благополучия и сексуальности. То есть чем большего колибри ствол был в твоём распоряжении, тем благополучнее и сексуальнее была твоя жизнь. Со временем "колибри" трансформировался в привычный "калибр".

Астроном Артур Автостопный, первым обнаруживший пятую точку Пятую Точку, до того впечатлился её габаритами, что присвистнул, торжественно и воинственно выматерился и провозгласил, откинувшись в кресле и раскинув руки так, будто готовился обнять весь мир:

– Ёб твою, профессор! Ши скисли! Клянусь всеми квазарами и пульсарами своей необузданной туманной спиралевидной душонки, клянусь всеми своими газовыми скоплениями и большими взрывами, это самая огромнящая сверхмассивная пятая точка в известном нам Великом Нигде! Это не просто сверхмассивная пяточка, а Пятая Точка с больших букв! По моим скороспелым расчётам, через какой-то миллиардик годиков именно она поглотит всё Великое Нигде и ужокошит всех нас с нашим Бесконечным миром! Нам кранты, профессор! Рано или поздно всё пойдёт по звезде! – весело восклицал астроном. – Теперь мы точно знаем ответ на вопрос: в чём смысл жизни? Жизнь бессмысленна! Наука, искусство, развитие – всё тщетно! Но наше открытие обрекло нас на бессмертие, профессор! Йиииииха! – Артур Автостопный вскочил с кресла, сжал кулак и вскинул руку к потолку. – Нас ждут богатство, слава и женщины! Или лучше так: богатство, женщины и слава! Или предпочитаете без славы, профессор? Впрочем, если это будут замужние женщины, лучше скромно прозябать в тени безвестности.

Его напарник по смене, 48-летний профессор Уилт Обшарпанный, лицо которого украшали три коротеньких, но впечатляющих своей воинственностью шрама, сидел за столом и меланхолично помешивал ложечкой чай в стакане с подстаканником. Профессорские губы

скривила застывшая сардоническая усмешка. Уилта одолевали безрадостные мысли о семейном быте, полном монотонного гула трудностей, пронзительных визгов непонимания, усталого лязга разочарований и неожиданных драматических поворотов, требующих ясного ума, смелости и быстрой реакции.

Например, как-то в гости к профессорским детям пришёл (профессор сказал бы "припёрся") соседский мальчик (профессор сказал бы "гондон"), который с такой гордостью показывал его детям, как находить порнушку в интернете, будто открыл новую вселенную. Старшему сыну профессора на тот момент стукнуло семь годков, а младшему – четыре.

Вечером, когда соседский мальчик с чувством выполненного долга отчалил восвояси (профессор бы и тут ввернул кое-какие словечки), старший крошка-сын к отцу пришёл и спросила кроха, что такое порнуха и почему у него отвердело? Выяснив у сына первопричину его занимательных вопросов, профессор подумал про соседского сына кое-какие словечки, но, устремив в стену задумчивый взор, полный желчного сарказма, вслух сдержанно и отстранённо произнёс лишь короткую фразу: "Вот гондон". Уилт Обшарпанный был очень воспитанным профессором, тяготеющим к стоицизму.

Но делать нечего, если дети спрашивают, надо отвечать. И отец объяснил семилетнему сыну, что такое гондон и кто такой гондон, приведя в пример презерватив, соседского мальчика и его недавний поступок. Затем, отвечая на последующую безупречно выстроенную цепочку вопросов сына, объяснил ему, что такое порнография и почему от неё твердеет, а также что такое: секс, измена, ВИЧ, развод, потенция, шизофрения, недержание и одинокая старость в сумасшедшем доме.

У профессора росли очень любознательные дети, которые, как и все взрослые, терпеть не могли, когда их держат за идиотов или пустое место. Поэтому профессор на все вопросы своих детей отвечал как есть предельно простыми и точными словами. Профессору претила одинокая старость.

Услышав возгласы напарника краем уха о самой сверхмассивной пятой точке Пятой Точки, профессор, пребывающий в плену размышлений о семейных передрыгах, сатирически усмехнулся, отхлебнул чай из кружки и сказал:

– Самая сверхмассивная, ага, как же. Не видал ты мою жену, которая вот уже пять лет работает в кондитерской "Президентские шалости". Вот где самая сверхмассивная пятая точка... И когда у супруги подгорает, в смысле, не партия пирожных в духовке, она превращается в злобного красного карлика... Всех, конечно, не укукошит, но меня когда-нибудь спалит.

Уилт заботливо потрогал шрам на лбу, который жена нанесла ему разделочным ножом на заре их любовных отношений (воинственным астрономам нравились исключительно воинственные женщины). Причина давно забыта, а вот шрам остался. Недаром говорят, что только при наличии любимой мигер... женщины юноша – хочет он того или не хочет – начнёт мужать. Но и Уилт тогда в накладе не остался и неплохо так засветил будущей супруге точнехонько под глаз. Приятное воспоминание вновь заставило профессора гордиться собой.

– А разбираться с дочкой и женой я предпочитаю без Славы, кем бы он ни был... Артур, готов ли ты после работы тяпнуть по пивку? Дома светиться не хочу, а перед женой отмажусь внеплановым совещанием по поводу твоего открытия.

– Ёб твою, профессор, вы спрашиваете, готов ли я?! Говно вопрос, профессор!

В существовании пятых точек до открытия первой пятой точки не сомневались даже те, кто путал астрономию с астрологией и не понимал, за что это астрономам платят такие деньжищи и выделяют такие гранты, ведь они предсказывают будущее через пяточку! И самое интересное, все им верят! Воистину, мир полон идиотов!

Изначальная железная вера в существование пятых точек, вероятно, как-то связана с памятью и первобытными инстинктами, доставшимися нам от древних предков, знакомых с пятой точкой не понаслышке, в отличие от богов, ни одного из которых так и не удалось увидеть

воочию. Эти древние предки настолько древние, что жили в предыдущем Великом Нигде, и приходится нам предками формально. Скорее, они наши предтечи, первоначальные наброски, от которых нам в наследство перешла голая и бессмертная энергия с накопленным опытом.

Пятая Точка ДНО-618 – это чрезвычайно крупный объект массой в 66 миллиардов наших солнц. Она имеет вид чёрной дыры, которую окружает дрябло-белая плотная материя неизвестного происхождения и неизвестных свойств, и постепенно засасывает в себя всё нынешнее Великое Нигде, частью которого является и наша Вселенная. А когда Пятая Точка полностью всосёт Великое Нигде, всё схлопнется и настанет Великое Ничто... временный период.

Дальнейший скрипт событий не под силу предречь наверняка даже прозорливому учёному с очень живым умом и очень неживым телом. Однако, по идее, Великое Нигде, претерпев судьбоносные метаморфозы в Великой Пятой точке, должно возродиться: юное, свежее, круглолицее, краснощёкое, вымытое, побритое, подстриженное, надушенное, полное нерастраченных страстей и новаторских идей, современное и совершенно непохожее на старое Великое Нигде, которое последние триста миллионов лет только и знало, что занудно скрипеть звёздами: “Вот миллиард лет назад сочиняли музыку так музыку. Сейчас такую не сочиняют... не умеют! Всё китч и тлен... Куда всё катится?” Известное дело, куда.

А вы знаете, получается неплохой сюжет для какого-нибудь мрачного, тёмного и очень эпичного фэнтези: *Герой узнаёт, что его мир поглощён пожирателем миров Пятой Точкой! И теперь Герой жаждет выбраться из Пятой Точки, но это не так-то просто... Череда неудачных попыток, в самый решающий момент Герой поскользывается и обречён на провал... казалось бы, всё потеряно! Остётся последнее, но самое верное средство! Стать Непобедимым Казуальным Суперимператором – первое, что приходит на ум, но это для лохов! Для того, чтобы выбраться из Пятой Точки, Герой вынужден соединиться с Пятой Точкой, пропитаться её соками, запахами, стать её самым деятельным слугой и начать путь к вершине с самого дна... чтобы всё-таки занять трон Непобедимого Казуального Суперимператора.*

2. Броккен Мун и Гербес Бенок

Одна из окраин доступной области Бесконечного мира, Новаскомовской (а таких областей, естественно, бесконечное количество), заканчивается самыми обычными невзрачными панельными девятиэтажками, облицованными жёлтой, зелёной, либо же белой и кремовой плиткой. Из подобных зданий почти целиком и застроен этот спальный район городка Шуршенк.

Бетонным зелёным стенам девятиэтажки Зеленой Цитадели, самому старому жилому зданию района, облицовки не досталось. Зато в них густо вкропили черепки глазурованной керамической посуды: осколок блюда, ручку кружки... Такая вот посыпка вызывала дополнительный интерес у случайного наблюдателя и выгодно выделяла Зелёную Цитадель на фоне других зданий. Разнообразные черепки сверкали на солнце и придавали Зелёной особую, уютную миловидность.

Зелёную Цитадель избрал 26-летний Гербес Бенок, в которой и проживал по соседству со своим 23-летним братом Броккеном Муном на восьмом этаже. И избрал именно потому, что Цитадель благодаря керамическим черепкам всякоцветноузористого благолепия привлекала к себе дополнительное внимание, а Гербес любил, когда на него устремлялись восторженные взоры, ну или хотя бы на его дом. Он до того их вождедел, что улавливал даже сквозь стены и при этом сладко улыбался, представляя, что смотрят на него, а не на черепки Зелёной. Гербесу нравилось выделяться на общем фоне.

Броккену же было всё равно, в какой девятиэтажке жить. Он не стремился выделяться.

На данный момент Броккен лежал в постели, которую и не думал заправлять, хотя часы показывали десять минут десятого, а проснулся он в семь и с тех пор тарашился в серый потолок. Казалось, ничто не властно поколебать его покой, граничащий с трансом.

Гербес Бенок стоял у окна и перебирал папины бусы, переливающиеся лавой и похожие на бабушкин гребешок. Он смотрел на Безграничный лес, подступающий к пустырю позади Зелёной Цитадели, близоруко сощурившись, вглядывался в далёкие Недостижимые горы, на которых, как утверждают местные, никто не бывал. Гербесу показалось, между вершинами лесистых гор промелькнуло нечто... Стая птиц или ещё чего.

Говорят, там обитают гиперреальные разумные мерцающие драконы, якобы строители Великого Нигде. Недостижимые лесистые сине-зелёные горы обладают очертаниями классических остроконечных и зазубренных конусов в лоскутках ватно-белого тумана. Казалось, если встать ногой на одну такую вершину, то она лихо пропорет подошву, раздробит кость и пронзит стопу насквозь.

“Очки бы купить, – с досадой подумал Гербес, – да всё забываю даже платочек купить, чтобы узелки на память вязать”.

Гербес хоть и вставал раньше Броккена, вернее, подсказывал как умалишенный, словно кровать била его точно рассчитанным электрическим разрядом, но и его постель обычно напоминала склад одежды не очень-то аккуратного бомжа. Гербес решительно обернулся и твёрдо заявил неподвижному Броккену, покойно скрестившему руки на груди:

– Ты как хочешь, но надо валить из этой дыры. Здесь нам ничего не светит.

Броккен немного подумал и лениво возразил:

– Почему же не светит? Светит.

– Что нам может здесь светить, дорогой братец, вот что?

– Солнце вот светит. Радуйся.

– Чему радоваться?! – рассердился Гербес, который терпеть не мог, когда он говорил о чём-то серьёзном, а собеседник в ответ нёс какую-то дичь. Это была весьма вспыльчивая, импульсивная натура, частенько не умеющая сдерживать свои чувства.

– Радуйся, пока светит. Может ведь и перестать светить.

– Ты издеваешься?! – прищурился Гербес, но уже не от близорукости.

– Ну что ты, как можно. Что на ум пришло, то и ответил.

– Это глупо – говорить первое, что приходит на ум.

– Зато весело.

– Вот поэтому ты в жизни ничего не добился, – мстительно вывел Гербес. – У тебя несерьёзное отношение к жизни!

– Ага, слишком весёлое. Ты, между прочим, тоже ничего не добился.

– Я каждый день думаю о своём светлом будущем, трудолюбиво иду к нему и добьюсь его! Сам своим трудом добьюсь своего светлого будущего! А ты вообще ни о чём не думаешь!

– Никуда не иду, ни о чём не думаю и ничего не добьюсь. И во всём бескрайнем Великом Нигде не сыщется уголка для бедного скитальца...

Гербес тонко сжал грозно побелевшие губы, но сумел совладать с собой и разорвал сжимающую мозг гневно-огненную сеть раздражения.

– Кроме шуток, отсюда надо сваливать.

– Куда?

– В Новаском, куда ещё-то. Там крутятся реальные бабки, там куча возможностей заколачивать эти реальные бабки.

– А здесь чего?

– Здесь дыра. Откуда в дыре могут быть деньги?

– Это да, в дыре деньги не задерживаются. С тобой последний раз расплатились папиными бусами, дешёвой бижутерией. С дурацким названием к тому же.

– Эта бижутерия, между прочим, – ценный артефакт. У владельца этого артефакта раны заживают как на собаке. Смотри, какой красивенький. Как играет оттенками красного, а! – Гербес встал боком к окну и наглядно покрутил папиными бусами под лучами солнца. – Возможно, когда-нибудь эта “бижутерия” спасёт тебе или мне жизнь.

– Чушь. Ты сам это знаешь. У госпожи Чечевички давно кукуха набекрень. Она птиц сапогами кормит. Говорит, такой еды им надолго хватит.

– Ну ладно, ладно. Пускай чушь. Но как я мог отказать бедной одинокой старушке в помощи? Вот и помог ей очистить квартиру от хлама.

– И не она одна расплачивается чем угодно, но только не деньгами.

– Вот я и говорю, здесь дыра! Валивать надо как можно скорее из этого пристанища неудачников. Но заметь, я и здесь умудряюсь зарабатывать какие-никакие, но деньги. В отличие от тебя.

– Деньги, деньги, что такое деньги? Главное, с собой дыру не прихватить... – Про заработки Броккен пропустил мимо ушей. – И как ты будешь заколачивать деньги в Новаскоме? Молотком?

Гербес закатил глаза и обратился к потолку:

– Господи! Да сколько же в тебе ядовитой желчи скопилось, братец! Так и капает с клыков! Так и сочится, так и брызжет фонтанчиками из слюнных желез! А это верный признак, объединяющий всех неудачников!

– Слюнные железы?

– Желчь, братец, желчь. Умные люди знай себе потихоньку движутся вперёд, развиваясь в своём деле. А неудачники вместо того, чтобы оторвать задницу от дивана, бессильно исходят желчью, выискивая у других недостатки, болтают на политические темы, о войнах и других делах, к которым не имеют ни малейшего отношения, и презирают всех, кто не имеет твёрдой

политической позиции. Готовы трепать языком обо всём на свете, лишь бы убить время, готовы умничать до последнего, лишь бы их услышали, лишь бы вставить свои пять копеек в любой спор, победа в котором не даст им равным счётом ничего. Плевать я хотел, кто президент, если у меня есть своё дело, развитию которого я готов посвятить всю жизнь. Плевать я хотел на все новые и старые законы, если они не задевают меня и моё дело, – говорил и говорил вдохновенный Гербес. – Плевать я хотел на всё, что не приносит мне выгоду. Да, я живу ради выгоды, а не ради каких-то эфемерных моральных принципов типа благородства или патриотизма, и не стесняюсь говорить это вслух. Моя родина там, где мне жить хорошо, а не там, где я родился.

– Хорошо там, где нас нет, – вспомнил Броккен древнюю поговорку.

– Это поговорка неудачников, – обрубил Гербес. – Нечего заглядываться туда, где тебя нет и вряд ли будешь. Живу я не ради места, где меня нет, а ради себя, чтобы иметь возможность помочь тем, кто мне дорог.

– А кто тебе дорог?

– Я, разумеется! Ну и ты конечно. Наша мама, наши папы. Надеюсь, многие из тех, кто повстречается нам в жизни. Я человек простой, я люблю всех, кто любит меня.

– И я не живу ради эфемерных моральных принципов, – Броккен поддержал брата в аморальности. – Если я не грублю кому-то, то не из-за того, что меня сдерживают эфемерные моральные принципы, а лишь из-за того, что мне этого не хочется. А если хочется, то грублю.

– Даже если ты не прав или тебе выгоднее сдержаться?

Поколебавшись, Броккен кивнул.

– Даже если.

– Разве это не обычная эмоциональная несдержанность?

– Самая что ни на есть.

– Может, тебе стоит поработать над этим?

– Тогда я перестану быть честен по отношению к самому себе. Работая над собой, я перестану быть собой, быть естественным. Поэтому мне, такому неотёсанному, легче слоняться без работы, чем работать с кем-либо под началом кого-либо. Я всегда стараюсь быть честным с собой и с другими. Я прекрасен и непостижим в своей честности, необуздан в своей грубости и величествен в своём хамстве. Но рискую умереть с голода. Хамы и честные люди никому не интересны.

– В чесночности? Ты сказал, в чесночности?

– В честности. От слова “честь”. А уже от слова “честность” образовалось название растения “чеснок”. Он тоже полезен для здоровья в умеренных долях... В каждом из нас должны сохраняться несколько зубцов чести, но не целая головка. От целой головки чести мозг мутнеет и буксует. Начинаешь блюсти некие принципы и рискуешь прослыть принципиальным. А с принципиальными иметь дел никто не желает. От них за версту разит головками честности.

– Это правда?

– Что правда?

– Ну, что “чеснок” произошёл от “честности”.

– Разумеется, правда, брат! Я ведь не какой-нибудь неудачник и знаю, о чём говорю.

– А неудачникам всё сразу подавай, – спохватился Гербес. – Привыкли на других смотреть и сравнивать себя с другими, выглядывать, кому лучше живётся, кому хуже, кто умнее, кто глупее. Мнят себя то царём, а всех червями. То размазывают себя по стенке, уничтожая комплексными залпами неполноценности, а потом срываются на жене и детях, на близких и родных. А ведь кто-то там не более чем кто-то там, пусть говорят и живут, как им хочется. А я есть я. Президенту президентово, а гражданину гражданово. У меня свои обстоятельства, обязательства, соображения и дела. Уважают человека за его успехи, а не за его сравнения с другими и мнение о правительстве, если ты не профессиональный политолог, разумеется. Но если ты профессиональный политолог, ты работаешь на правительство.

– Я себя ни с кем не сравниваю, не размазываю и не на ком не срываюсь, – пробормотал Броккен. – Я даже на правительство не работаю. И можешь мне не подавать сразу. Можешь подавать частями, я не против.

– А курица, как ты знаешь, Брокк, весь день по зёрнышку клюёт, а к вечеру сыта бывает, – вещал непробиваемый Гербес. – Терпение и упорство, опыт и понимание. Работа над ошибками! Поменьше враждебной ядовитой желчи, побольше дружелюбной мягкой иронии! А насчёт того, чем сподручнее заколачивать бабки в Новаскоме, решим на месте. Хоть микроскопом, лишь бы монетки извлекались. Долой предрассудки! У меня чуйка, понимаешь? Нам необходимо срочно уезжать в Новаском. Там возможности, там перспективы.

– Но у тебя нет плана.

– А! – отмахнулся Гербес. – Главное, вырваться из болота, а потом уж и план дальнейших действий составлять.

– Звучит заманчиво.

– Так ты согласен? – подался вперёд Гербес.

– Нет, – холодно отрезал Броккен.

– Понимаешь, в чём твоя проблема? – разозлился Гербес. – Тебе ни хрена вот не надо в этой жизни!

Броккен промолчал.

– Ты готов сутки напролёт валяться и ничего не делать! И поднимешь свою ленивую задницу только в том случае, если загорится кровать! Но будет поздно! Презренный, ты сгоришь в пламени своего безделья, оно поглотит тебя, несчастный! И шарика с порохом к твоей глухой башке никто не привяжет из-за жалости... Погоди, так ты уже больше суток валяешься в постели. По крайней мере, я не видел, чтобы ты покидал её. Как ни приду, лежишь как бревно. И сутки не ешь. Ну да, в холодильнике земля нетронутая лежала. Я утром видел. Не заболел ли ты часом?

После некоторой паузы Броккен выдавил:

– Не хочется.

– А чего, чего тебе хочется? Может, в Новаском поехать? А давай махнём? Эх, была не была!

– Нет.

– Ты же книжку хотел писать.

– Пока думаю... Не знаю, о чём писать.

– Отлично! Хочет написать книжку, да не знает о чём. Такого редкостного идиота ещё поискать надо! – с неожиданной агрессией выпалил Гербес.

– А тебе хочется зашибить деньги, да вот только не знаешь, как это сделать.

– Знаю! Знаю! Просто надо переехать в Новаском и там уже думать. Все деньги и возможности в Новаскоме. А Шуршенк – такая дыра, что даже не думается. Здесь негде развернуться, не за что зацепиться. Величайшие умы, родившиеся в провинции, все как один бежали в столицу ("А из столицы в провинцию", – додумал Броккен). В провинции их ждало одно отупление. А, я знаю, почему ты пишешь свои книжонки. Ты боишься реальности! Вот оно! Точно! – щёлкнул пальцами Гербес. – Ты же не в состоянии принять и осуществить хоть какое-то волевое решение. Ты оправдываешь свою бессмысленную никчёмную жизнёнку своей бессмысленной никчёмной писанинкой! Да ты в своей квартире не можешь заставить себя прибраться! Не полы, а чистый чернозём, которым ты так любишь давиться на завтрак, обед и ужин! Зачем поляну посещаешь? С пола бы и соскребал ножиком столовым.

Но тебе необходимо хоть в чём-то ощутить свою значимость. Но это самообман! Ты же сам говорил, что читаешь от скуки. Вот и пишешь ты от скуки, когда читать и играть в твои долбанные игры надоедает. Сколько ты прошлую книжонку писал, а? Два года? Да так и бросил. Ни конца, ни начала. За новую взялся. Молодец, молодец! Ты – жалкое, самодовольное,

ленивое ничтожество, – самодовольно поведал брату Гербес, – которое только и делает, что бежит от реальности в свою тёплую постельку из писанины под одеяльце из книг, вместо того чтобы выполнять свои обязанности и думать, как зашибать реальные бабки!

Броккен тяжело вздохнул. Как ему надоели все эти бесконечные споры ни о чём, которые и спорами-то не назвать. Скорее, негодующие монологи Гербеса с его, Броккена, скупыми комментариями.

– Ну, чего молчишь? Возразить нечего?

– Ну да, бегу от реальности на кровати верхом. Тебе надо, ты и езжай в свой Новаском, – отбрыкался Броккен.

– Ай, да что с дураком спорить?! – с крайней досадой махнул рукой Гербес и отвернулся к окну.

Оба замолчали.

– А что, в холодильнике пожрать есть ещё? – подал голос Броккен, возвратившись из транса.

– Нету, – угрюмо бросил Гербес. – Я всё съел. Из-за тебя. И губы вытер полотенцем неспеша.

– Как из-за меня? – изумился Броккен.

– А чтоб ты, когда проснёшься голодный, наконец-то включил мозги, поднял свою ленивую задницу и отправился за жратвой. Прогулялся бы хоть, пообщался с кем-нибудь. Недельку дома сидишь, как скотина распоследняя. Смотреть тошно. Бледный, как вампир, глаза мертвучие.

– С поволокой.

– С поволокой, – с готовностью согласился Гербес, который весьма смутно представлял себе глаза с поволокой. В его голове возник зыбкий образ коровьей морды. Морда жевала и равнодушно смотрела на него. “Вот это и есть Броккен!” – довольно подумал Гербес и покоился на брата, как будто стоило ему сказать, что Броккену надо поднять свою ленивую задницу, как Броккен тут же обязан вскочить с кровати, схватить ведро и сломя голову – волосюги назад! – броситься за жратвой на улицу.

Однако Броккен не торопился покидать тёплую постель, хотя жрать хотелось баснословно. Двое суток не жрамши и не пивши. Броккен покосился на ведро, стоявшее под столом. К стенкам налипли остатки земли. В ближайшие планы Броккена выходить на улицу, покидать квартиру да и вообще вставать с постели категорически не входило. Броккен решил лежать в постели и как можно меньше двигаться ещё хотя бы дней шесть. И как можно меньше есть и пить. И действительно ведь предаваться отчаянию своей бессмысленной жизни! На самом деле его даже забавляло беснование Гербеса. Но была одна проблема: когда долго не пьёшь и не ешь, очень хочется пить и есть. И приходится поднимать с постели свою ленивую задницу, не дожидаясь пожара.

Конечно, дело не в лени. Броккен и правда вогнал себя в некий транс, как делал это иногда, когда хотел подумать, о чём писать. Но думал он об этом странно. Большую часть времени Броккен играл в игры по смартфону. Так могла пройти неделя, вторая... А потом Броккен, так ничего и не придумавши, жаловался на бессонницу, головные боли, общую вялость и потерю интереса к жизни.

Едва Броккен дотянулся до ведра и ухватился за его край, как Гербес, словно того и ждал, обернулся и, тыча в него указательным пальцем, хищно воскликнул:

– А, никак на улицу намылился?!

Броккен притянул ведро к себе, прицелился к фигуре Гербеса, приподнялся на локте и с размаху запустил ведром в брата, в эту паскуду, доставшую своими реальными бабками и Новаскомом с утра пораньше. В который раз. Ведро краем днища врезалось Гербесу в лоб и, просыпав немного земли, грохнулось на пол.

– Ты рехнулся?! – заорал Гербес.

– Потрачено! Охлади своё траханье! Аха-ха! – злорадно расхохотался Броккен.

– Я о тебе беспокоюсь, а ты в ответ в меня ведром?! Вот как ты за предобрейшее платишь!

И ты мне говоришь, что это я рехнулся?!

– Достал уже своим грёбаным Новаскомом! Тебе надо, ты и уматывай в свой Новаском, а от меня отстань! Как тут писать, когда такие идиоты каждый день на мозги капают!

От обиды у Гербеса задрожала нижняя губа, в глазах отразилась вся боль вопроса: "Братцы живодёры, за что вы меня, за что?!" Правда, ненадолго. Его лицо страшно перекошилось, а в глазах отчётливо отразилась высказанная вслух тирада:

– Ленивый неблагодарный ублюдок, без меня ты бы давно подох с голоду или стал ходячим мертвяком! Тебе бы и стакана землицы никто никогда не поднёс! Больше ноги моей не будет в этой запущенной квартире! А ты, как миленький, подохнешь с голоду, провалишься ты в Обливион! Подохнешь, подохнешь, я это тебе обещаю! Живёшь в нищете и сдохнешь в нищете, дебил! А я один уеду!

И Гербес энергичным шагом покинул квартиру и так же энергично, с наслаждением, хлопнул дверью. И тут же вернулся назад.

– Слышь, там, это самое, приземлились они, инопланетяне, – предупредил он. – Так что поосторожнее. Лучше пока не выходи на улицу, если вдруг собрался. Говорят, они похищали Чёрта Владамора и Бреда Пи... ой, его брата Чернослива. С тех пор у Владамора черты чёрта и не было девушки, а у Чернослива появилась точечная видеокамера.

И ещё сильнее хлопнул дверью с той стороны. Потом ещё раз хлопнул, теперь уже своей. Из-за стены глухо донеслось:

– О, курва! Долбаная ручка отвалилась!

– Самодовольное ничтожество, – проворчал Броккен, свесив ноги с кроватного бока. – Сам ты самодовольное ничтожество.

Но во многом Гербес прав. И чего он так ведром в него? А потому что прав, вот и ведром. Лёжа в постели, много не сделаешь. Да и с голоду Гербес в позапрошлом месяце не дал подохнуть. Броккена сразил наповал G-вирус. Он почти превратился в ходячего, но Гербес умудрился раздобыть противоядие и выходил его. А он ведром в него. В родного брата... Но иногда Гербес назойлив, как чесотка, и деревян, как пробка.

Броккен тяжело вздохнул, встал и подошёл к окну. Башка тяжёлая и изумительно пустая. Ни единого соображения, о чём писать. Идей много, да всё не то и всё не так. Почему всё не так, вроде всё как всегда...

Действительно, они, инопланетяне. Их корабль едва заметно белел, скрытый деревьями. Не было – не было, и вот на тебе, именно сейчас прилетели на своём бесшумном агрегате. Вот непуха. Невезение есть хаос. Это удаче нужны условия, а хаосу ничего не нужно. Он очень самодостаточен. Удача хаосу не подружка, удача в хаосе теряется и тонет. Но если создать условия, навести порядки... Например, если ты диктатор какой-нибудь страны, то вероятность того, что твои мемуары издадут, значительно повышается. Вывод: удача любит предусмотрительных, практичных и целеустремлённых. Желательно, диктаторов. Но иногда звёзды и в хаосе сходятся. Звёзд на небе много, но это не беда...

Беда одна: Броккен не был ни предусмотрительным, ни практичным. Вот Гербес да, тот пробивной. Назойливый, нудный, но если вцепится, то вгрызётся намертво и не успокоится, пока своего не урвёт. И приехав в Новаском, уж он бы сообразил, что к чему и почём без всякого предварительного плана. С ходу, нахрапом. Но Броккену здесь, в тихой безлюдной окраине, куда уютнее, чем в этом неизвестном, далёком и огромном Новаскоме со всеми его непонятными возможностями и разношёрстным населением.

Торчать дома и думать обо всём подряд, кажется, единственное, что ему нравится делать. А для дум нужен покой, нужна скука. А там и повеситься не грех.

Броккен отвернулся от окна и посмотрел на шкаф. Вот, чуть не забыл прихватить ружьишко. Совсем башка не варит. Да нафиг. Сколько на Поляну ни ходил, никаких краснобоб не встречал. Тоже, поди, враки одни. А ружьё тяжёлое и неудобное.

Броккен вышел в общий коридор и запер дверь на ключ. Гербес в своей квартире возился у двери, стараясь приладить ручку на место. Судя по сатанинскому бормотанию, получалось у него не очень. Пускай помучается, пускай. А то энергию девать некуда.

Ладно хоть этот синюшный МегаЗад не попался. Постоянно в тупике коридора у окна ошивается в своих облезлых тапках и полосатом халате времён создания Великого Нигде. Кушак этого почтенного халата завязан в морской узел. Как подозревал Броккен, МегаЗад попросту не может развязать кушак и снимает халат через голову. А может, и не снимает никогда. Моется в нём, спит в нём, гуляет в нём. Летом МегаЗад, и правда, шлялся исключительно в халате. В любую погоду.

А на втором этаже какой-то кретин краской на редкость уродливого красного цвета вывел дурацкую, как и вся его жизнь, надпись: “Чудовище рядом”.

3. Бол, Морф, доктор Зонтберг и Синьяк

Пнув деревянную дверь ногой, Броккен вышел под молочно-голубой навес парадного подъезда с такого же цвета узорчатыми деревянными опорами и остановился полюбоваться конструкцией. Ему очень нравился этот светлый цвет небес, разбавленных молоком. Он напоминал о стенах детского сада, о солнечных днях и вселял уверенность, что в конце-то концов всё не так уж и плохо. Однако сейчас контакта не состоялось. Недовольство собой и внутренняя пустота никуда не делись. А вот глазурированные осколки посуды никогда его не вдохновляли, но выглядели прикольно.

Во дворре скррипели старррые качели с треугольными боковинами из красных железных труб и поперечиной из голубоватой. Неподвижные части качелей обвивали сочно-зелёные лианы с крупными чёрными и белыми цветами, содранные неизвестно в каком мире.

На качелях качалась скелет-девочка в розовом платье и с жёлто-красным бантом, неизвестно как закреплённом на черепе. Качал её скелет-мальчик в красных шароварах с подтяжками и тельняшке в жёлтую полоску. Над его черепом в чёрном французском берете с фиолетовым значком-косой, как над лампой, порхали четыре большие чёрные бабочки, фиолетовые тельца которых походили на крохотных скелетиков. В полёте бабочки играли на соло и бас гитарах, флейте и скрипке. Играл бабочковый квартет беззвучно.

Кроме скелетов во дворе никого. Кроме качельного отрывисто-режущего мерного скрипа ни звука. Удручающая картинка. К тому же половина двора утонула в матовых лужах цвета варёной сгущёнки, невозмутимых, глубоких и неистребимых.

При появлении Броккена скелет-мальчик перестал качать скелета-девочку, и сиденье, напрочь проигнорировав инерцию, самым неестественным образом тут же застыло, будто было сделано из фольги или бумаги и легко удерживалось рукой скелета-мальчика. Скелеты-дети усталились на Броккена чёрными провалами равнодушных глазниц.

– Брок, не хочешь поиграть с нами? – шелестяще позвал скелет-мальчик, будто ветер смёл ворох листьев с могильной плиты.

И указательной костью начертал в воздухе слово “ЗАБВЕНИЕ”, как будто написал на невидимой доске, и написал так, что слово очутилось “лицом” к Броккену. Буквы красиво и заманчиво полыхали лимонно-жёлтым. Скелет-мальчик сложил указательную кость крючком и поманил Броккена. Сама кость была значительно длиннее обычного пальца. От этого становилось не по себе. Казалось, скелет-мальчик мог преспокойно дотянуться этим крючком куда хочешь, чтобы притянуть к себе и уже никогда не отпустить. Перестав манить Броккена, скелет-мальчик дунул на буквы, и те рассыпались искрами. Костлявые дети рассмеялись. Броккен помахал им рукой:

– Перевед костяным лучникам, Морт, обросший костями! Ну, мальчики-девочки, есть ли жизнь после смерти?

– Поиграй с нами – узнаешь, – прошелестела девочка и поклацала беззубой челюстью.

– Спасибо, слуги Забвения, забвенные слуги, – сухо отвечивал Броккен, – успеется.

– Твой братик тоже не захотел с нами играть.

– Ему не до игр. Он помогает людям и зарабатывает деньги.

– А ты, Брок? Ты не помогаешь людям и не зарабатываешь деньги. Зачем ты живёшь, кому от тебя польза? Ты даже сам себе не нужен.

Броккен моментально помрачнел, разозлился и послал костлявую парочку куда подальше.

С Гербесом что ли сговорились, отребье потустороннее? Да пускай провалятся в Обливион вместе со своим забвением! Не ваше сучье дело, зачем и как я живу, хреновы скелетики!

Грёбанные лужи! Чёртова депрессия! Всё через силу приходится делать. Тотальное равнодушие ко всему – ничего не интересно. Только жрать и пить сутки через сутки (ага, как курица по зёрнышку и по капельке) и валяться в постели. Валяться в постели строго сутки напролёт, и никаких перерывов! Хрена лысого Гербес это поймёт. Депрессия таких, как он, обходит стороной, словно прокажённых, а Броккен, кажется, родился с ней в обнимку. Может, оттого читает да пишет, что сил на другое не хватает. Мог бы, к примеру, играть на гитаре, так это надо гитару руками держать, настраивать... А книжку настраивать не надо. Самому бы настроиться, – уже слава богу.

Надо обойти Зелёную Цитадель и пройти на Поляну через пустырь. А на пустыре сейчас треклятые инопланетяне, которые могут проторчать там несколько дней. Недаром табличка на пустыре. Красная такая, с изображением классического зелёного человечка, только с весьма угрожающим видом: растопыренными руками и красными глазами. Говорят, пришельцы похищают всех, кто приблизится к ним на расстояние похищения. Какая чушь! Что ещё за расстояние похищения такое?! Броккен, разозлённый голокостной правдой, разозлился ещё больше. Неужто Гербес этому верит? А даже если и так, да плевать! Пущай забирают. Забвение, пришельцы – всё едино! Броккен обошёл Цитадель и направился к злополучному пустырю.

Трое пришельцев, стоявших возле корабля, молча курили инопланетные красные папиросы и сутулились. Один из них тыльной стороной ладони вытер выпуклый морщинистый лоб. Вид у пришельцев был усталый. Большие непроницаемо-чёрные глаза тускло блестели. Кожа отдавала нездоровым серым. Все трое абсолютно и бесповоротно наги. Впалая грудь, выступающие рёбра, вялые животики и тонкие конечности с несоразмерно длинными и мослатыми пальцами. У двоих руки измазаны чем-то чёрным.

Космический корабль же в противовес сверкал белизной и выглядел, как катер с задраным “т”-образным хвостом. На поверхности этого катера живого места не осталось от всяческих надстроек, примочек, перегородок, так что её можно было смело назвать архитектурно-щербатой. Корабль обладал размерами двухкомнатной квартиры и отчасти напоминал какой-нибудь наноутюг с выходом в интернет и капельницей... на всякий пожарный.

Броккен зачем-то переложил ведро из правой руки в левую и, потоптавшись, решил миновать пустырь по самому краю, как можно дальше от инопланетян. Опасливо косясь на пришельцев, Броккен оставил позади табличку с предупреждением, когда услышал:

– Эй, с ведром, как звать?

Броккен непроизвольно дёрнулся, так как именно *этого* и боялся: внимания пришельцев. Чёрт! Может, поближе подманить хотят для более удобного похищения? А если не обращать внимания? Типа дурака врубить и мимо пройти.

Подумав это, Броккен тут же остановился и смело посмотрел на пришельцев.

– Чего вам? – храбро спросил он дрогнувшим голосом и покрепче сжал ручку ведра.

Видать, понравилось швыряться в собеседников...

– Да ничего, – пожал плечами один из пришельцев, который отличался от других чистыми руками, треугольным аккуратным ртом и переливчато-голубыми глазами с огромными чёрными зрачками. – Скучно, вымотались, потрепаться вот захотелось, отвлечься. Я вот Бол, этот вот с щупальцами у рта доктор Зонтберг, а это Морф. Четвёртым будет наш капитан Синьяк, но он сейчас в клетке сидит. А корабль у нас “Предприятие Белой звезды”.

– А чего с капитаном? – поинтересовался немного осмелевший Броккен.

“Похищать некого, решили капитана похитить, чтобы план выполнить”, – самостоятельно мелькнуло у него в голове.

– Приступ у него. Грозится нашу империю захватить, реальность поработить и всех в матрицу засунуть. Бывает. Мы уже год как в рейсе, все немного озверели без женщин, без праздников, сплошь работа. Так-то мы ребята мирные. Даже мирнее фортипонтов. Хотя если живёшь по соседству с вогонами, как мы, быть мирными очень трудно. Эти бюрократы кого

хошь до матрицы доведут. Любому своей суровой реальностью раздвинут его нежную виртуальность. Проносы-то ничего так, если относиться к ним с уважением, то и они будут с уважением. Правда, изредка их проносит так проносит... Лучше отойти подальше, чтобы не запачкаться, и переждать. Да чего это я, ты ж их всё равно не знаешь. А тебя как звать?

– Броккеном. Так вы никого не похищаете?

– Не-а! – Пол довольно и широко улыбнулся. Многочисленные его зубы оказались мелкими и ровными, красивого зелёного цвета. – Это мы сами табличку поставили, да год назад демонстративно похитили несколько местных. Пленникам внушили, что проводили над ними всякие стрёмные опыты, и отпустили. Те тут же всем раструбили, какие мы психопаты и маньяки, и выступили на местном телевидении. Однако мы сделали так, что, “вспоминая безжалостные эксперименты фашистов из иных миров”, “наши жертвы” несли при этом несусветный бред. Никто их всерьёз, конечно, не воспринял. Почти никто. Идиотов-то всегда хватает. Самое забавное, именно эти идиоты, поверившие бреду “наших жертв”, вместе с самими “пострадавшими” и создали вокруг нас зловещую и мрачную ауру, распространяя о нас зловещие, мрачные и абсолютно идиотские слухи, как нам того и хотелось.

Но знаешь, если самому здравомыслящему гуманоиду другие гуманоиды каждый день на полном серьёзе будут твердить, что мухи следят за ним, в конце концов он сам начнёт следить за мухами, чтобы убедиться в том, что мухи за ним не следят. Или же убедиться в том, что мухи за ним таки следят, а он почему-то никогда этого раньше не замечал. Правильно, я же не сумасшедший, чтобы всех вокруг считать сумасшедшими! Или сам спятит из-за критического несоответствия своего убеждения и того, что внушает ему общество. Начнёт убивать всех, кто хотя бы намекнёт ему на слежку мух. Ведь это же он прав, а не они!

В интернете станет заносить в ЧС всех заподозренных в служении мухам. Создаст группы в соцсетях, в которых наложит табу на мух и всё связанное с ними, а также табу на всех, кто хоть раз за последний год упоминал мух и всё связанное с ними. То есть окутает себя своим маленьким мирком, воздвигнет последний оплот истины, подтверждающий его правоту. ЕГО, а не ИХ! А все “их” рано или поздно почат в бане. Сам же гуманоид, теперь уже не совсем здравомыслящий, начнёт старательно мастерить куклы вуду по их аватаркам, добиваясь стопроцентно детального сходства...

И чтобы вот этого всего не произошло, здравомыслящему гуманоиду придётся поверить в идиотский факт, что мухи организовали за ним слежку потому, что это и будет самым здравомыслящим решением. Никто в здравом уме против общества не пойдёт. Только самые упоротые. Понадобится совсем немного времени, и наш гуманоид перестанет спрашивать себя, зачем это мухам понадобилось следить за ним? Факт слежки мух за ним станет для него привычной аксиомой. Понимаешь, о чём я? Разумным существам приходится верить в любую чушь, лишь бы сохранить свой рассудок. С верой в чушь легче живётся, мы все окутаны липкой паутиной иллюзий, которую сами же и соткали своими предрассудками и страхами, на которых, собственно, и зиждется наше мышление...

– То есть ты, называя кого-то идиотами, не исключаешь того, что сам можешь быть идиотом и говорить совершеннейший бред?

– В точку! Но стараюсь об этом не думать, чтобы не свихнуться. Мне куда проще других считать идиотами. А из всех “похищенных” мы только над одним балбесом провели стрёмные опыты. Сделали ему руки-базуки. Да он же сам и упросил. Не знаю уж зачем... Ну и трёх коров распотрошили. Мы по вашим фильмам поняли, что распотрошённая корова – одна из самых страшных вещей для вас. Вы тогда чуть ли с ума не сходите от страха. Правда, мы так и не выяснили, с чем это связано. Зато теперь мало кто суётся к нам. Одолели со своими селфи и просьбами забрать с собой. Сдались они нам. Своих неудачников хватает.

– Так вы совсем как мы!

– Ну не совсем. Пиписьки у нас разные, как ты, наверное, заметил.

– Получается, вы мирные...

– Ну да. Больно у вас тут хорошее для ремонта местечко: тихое такое, спокойное. И красиво вокруг. А чего нам воевать, если у нас всё есть? Вас и завоевать-то легче простого. Прилетаешь в режиме невидимки флотом из огромных боевых кораблей. Корабли зависают над наиболее крупными городами, отключаешь невидимку, и местные, уже заранее штаны обосравши, тарашатся верх. “Господи!” – кричат они. Нет, говоришь им, мы не Господи, мы гораздо лучше, мы прилетели к вам с миром! Ну и наобещать с три короба. А вы и рады верить пустым обещаниям. Ну а что ещё остаётся, если ты перепуган неведомой и очень грозной силой? Попробуй тут не поверь ей. Только и остаётся, что верить и надеяться, что грозная сила пощадит тебя. Войны-то сами по себе никому не нужны. А ты чем занимаешься?

Броккен пожал плечами.

– Не, миры не поработаю. Так, пишу, читаю.

– Хм, – сказал Бол. – Может, и не поработаешь, но создаёшь и исследуешь. А вот у меня к тебе такое предложение, скажем, сто тысяч золотых в месяц. Это нормальная сумма?

– Приличная, – кивнул Броккен.

– Но тебе нельзя будет читать и писать. Ты согласишься?

– Нет.

– Почему?

– А чем я буду заниматься, мне особо больше ничего не интересно.

– Отдыхать будешь, развлекаться.

– Надоест, наверное.

– Решай сам. Я ведь не шутил, на самом деле предлагаю.

– Да не, спасибо.

– Ну а хочешь, мы тебя с собой заберём? Только навсегда. Поселишься на нашей планете Фэроут. Отсюда до неё рукой подать.

– Не хочу. Мне и здесь хорошо.

– У нас даже Егору Зимову нравится, а этому вообще трудно угодить. И книг ему подавай, и пива, и котов, и гитар побольше. Знаешь Егора Зимова?

– Это который Игорь?

– Ну да.

– Так он же умер.

– Не, у нас живёт. Ему предложили, он и улетел с нами. Постарел только и песен больше не пишет. Так чего, не хочешь к нам?

– Спасибо, не. Мне с собой бы разобраться, куда уж мне планеты покорять.

Бол рассмеялся и потрепал Броккена по плечу.

– Хороший ты мужик. Может быть, даже супергерой.

– Ага, который ничего не умеет. Слушай, а вы у себя на планете тоже голышом разгуливаете?

– Зачем нам дома голышом разгуливать? Мы что, эксгибиционисты?

– А у нас почему голышом разгуливаете?

– А кого нам стесняться? Вас что ли? У нас и пиписьки разные совсем. – Бол выставил пах вперёд и демонстративно потряс пиписькой, похожей на кусочек разваренной брокколи. – По нашим соображениям, наши пиписьки не должны вызывать у вас никаких чувств, как ваши пиписьки не вызывают у нас никакой эмоциональной реакции. Или я неправ? Броккен, может, наши пиписьки тебя возбуждают?

– Нет, не возбуждают, – поспешно заверил Броккен, который вдруг понял, что больше никогда не возьмёт в рот ни кусочка брокколи.

– Ладно, пора нам возвращаться к технике. Приятно было поболтать. Если что, заглядывай. Мы тут ещё пару дней побудем. Документалки про нашу цивилизацию дам посмотреть.

Тебе это должно быть интересно. Все, кто читают стоящие книги, – народ любознательный. А ты читаешь именно такие книги. По глазам вижу. И помни, истина неуловима. Она всегда где-то рядом.

– Ещё вопрос: а чего ты мне всё рассказал-то? Ну, что опыты были ненастоящие.

Бол обернулся и улыбнулся:

– А мы, считай, всё закончили. Последнее вот осталось. И всё, больше сюда не вернёмся.

И все трое скрылись в “Предприятии Белой звезды”.

А Броккен пошёл дальше.

И чего я их боялся? Только из-за какой-то таблички и из-за слухов. Впрочем, это не значит, что если написано “Не влезай – убьёт!”, то можно влезть и не убьёт. И чего Бол мне доверился? Может, в людях получше меня разбирается? Хороший он инопланетянин, душевный.

4. Зов войны

Пройдя лесочком, Броккен выбрел на дьявольски изрытую поляну Геофагию. Геофагию изрыли дьявольские маргиналы. Они настолько изуродовали поляну лопатами, что та выглядела так, будто в миниатюре иллюстрировала участок битвы на Сомме с применением тяжёлой артиллерии. Геофагию как будто разбомбил мелкий, но яростный метеоритный дождик.

Поляна эта пользовалась заслуженной популярностью среди лиц шуршенского маргинального сообщества. Надо сказать, что его представители ревностно хранили свою независимость от навязываемых обществом норм, направленных на всяческое поправление свободы личности, например, от устройства на работу. Соответственно, обществу пользы от них никакой. Закономерно, и маргиналам благ от общества – целый фигвам. Последним обстоятельством маргиналы логично – а логика у всех своя – оправдывали свою независимую от общественных веяний жизнь: чего мне горбатиться на государство (дядю), если государство (дядя) мне взамен ничего, а лишь подачку из грошовой зарплаты? Так вся жизнь пройдёт в нелюбимых трудах за мелочугу. А трудовой стаж нафиг не нужен: до пенсии ещё дожить надо. А образование для дураков, всё равно начальниками становятся только свои... Эх, вот бы дочку президента трахнуть.

Маргиналы Шуршенка были заядлыми гедонистами, можно сказать, жуирами, умудрёнными постоянным безденежьем, и смекалистыми пронырами, падкими до мелочи. Они гнали из земли самогон, который этой же землёй и закусывали. Молочная река с кисельными берегами во плоти. Мечты сбываются! И как только количество самогона в крови маргиналов становилось достаточным, маргиналы начинали танцевать будто. Благодаря такой строгой диете до пенсионного возраста действительно доживали далеко не все шуршенские маргиналы. Но все маргиналы проживали отмеренное им в своё удовольствие... в доступное им удовольствие.

За отсутствием занятия маргиналы в своей потрёпанной и линялой одежонке, как в парадной форме, выходили на улицы и в парки Шуршенка, садились на поребрики и скамейки и грелись на солнышке, посматривая на него с ласковым прищуром на добром морщинистом лице в багровых опухших нащёчках и синих прожилках от долгой земляной диеты.

Одно время Броккен якшался с маргиналами, так как имел с ними родственное мировоззрение. И даже пристрастился к земляному самогону, но быстренько отстранился. Щуриться на солнце с добрым морщинистым лицом в багровых печатях алкоголизма в 23 года ему как-то не хотелось. Броккен даже задумал писать про маргиналов книгу, но решил, что книга про непопулярных в обществе маргиналов обречена на провал. Отношения социализированного и нормализованного общества с асоциальными и ненормальными маргиналами были, как у волков с бандерлогами. Вряд ли бы волки настолько интересовались бандерлогами, что стали бы читать о них книги.

Броккен вообще всех понимал, но от всех держался на расстоянии, так как не понимал самого себя. Единственный, с кем сблизился Броккен, был его брат. Броккен любил брата за его энергичный и хваткий характер и очень хотел бы походить на него, но не умел.

С весны по осень фрики добывали геофажную землю, имеющую переходный в зависимости от месяца вкус, но в целом сладко-кислый. Такую землю с чаем самое то столовыми ложками уписывать. Поляна со съедобной землёй является одной из разновидностей аномалий, которые изредка встречаются во многих мирах. Зимой, правда, этот источник подножного корма станет более труднодоступным. И промёрзшая земля, как говорили опытные многолетние землееды, не такая вкусная, как прогретая солнцем, она с горечью. Зато зимой Геофагия под покровом снега таинственным образом восстанавливала земляные запасы на радость всем маргиналам, пересохшим и отощавшим к весне. Примерно в это же время на некой планете

Сандвигус, в стране Рыбного Холода, на окраине города Молотобойцев, на местном кладбище, прямо на входе таинственным образом возникала яма...

Но это зимой. До зимы ещё треть лета и целая осень.

Броккен направился к кустам, где лежала припрятанная им лопата. Как он подозревал, в компании не им припрятанных лопат. И тут Броккена осенило, о чём писать книжку. Идея была до того интересная и в то же время родная и простая, что удивительно, почему он раньше до неё не допёр. Идея родилась из сочетания образа поляны Геофагии и случайного воспоминания о давнем-предавнем эпизоде, мелькнувшем в сознании задним фоном.

Броккену было лет 12. Они с приятелем сидели в библиотеке. Броккен выбирал себе книжку, а приятель книжек не читал и пришёл за компанию. И как-то так получилось, что Броккен огрел приятеля увесистым справочником “Города Франции” толщиной две тысячи страниц. Удар получился отменным: сокрушительным и внушающим страх и уважение. Приятель как будто совершил головокружительный скачок в пространстве и мгновенно побывал во Франции, сразу во всех городах. Броккен встал над поверженным противником, расставил ноги, упёр руки в бока и надменно изрёк: “Многие недооценивают силу книг, бро. Особенно недооценивают силу книг те, кто книг не читает”. Тогда Броккен был юн и надменен. Сейчас он был молод и по-прежнему надменен.

Но идею эту Броккен тут же забыл напрочь, потому что получил удар по затылку и оказался гораздо ближе к земле, чем ему хотелось. К земле, с которой и была связана его простая и родная идея.

Восстанавливая связь с действительностью, Броккен почувствовал, как его перевернули на спину. Очухавшись, он увидел стоявшего над ним на одном колене бородатого человека с брутальными бакенбардами, в серовато-оливковой амунии, перетянутой ремнями, и такой же серовато-оливковой шапке-водолазке. В руке человек держал чёрный пистолет. Ещё человек курил толстую сигару.

– Из этого пистолета был застрелен Уран Хахаев, – сообщил человек, не вынимая сигары изо рта и умудряясь при этом разговаривать вполне членораздельно. – Слышал о таком?

– Не, не слышал, – честно сказал Броккен, потому что побоялся соврать. А так бы соврал конечно.

– И не услышишь, – посулил военный. – Застрелил Хахаева – застрелю и тебя. Я капитан Спайс, слышал о таком?

Броккен сглотнул. Ситуация накалялась. Да или нет? Нет или да? Чего надо этому психу?!

– Нет. Не слышал.

– Теперь слышал. Имя?

– Чьё? – испуганно спросил Броккен.

– Твоё.

– Броккен Мун.

– Да-а... Что у тебя за имя такое дурацкое, Мун. Твоя цель?

– Земли пришёл набрать. Вон, лопата в кустах лежит.

– Зачем?

– Как зачем? Чтобы есть.

– Ты меня за идиота держишь? – равнодушно спросил капитан Спайс. – Будешь продолжать в том же духе, я тебя сам землёй накормлю. Досыта.

– Да я бы поел с удовольствием, только землю сначала промыть надо! И... и пропечь! И приготовить ампо! Она же грязная! В ней копошится всякое!

– Не ори, – поморщился капитан. – Сколько их?

– Кого? – испуганно спросил Броккен. – Лопат?

– Пришельцев из космоса.

– Я троих видел.

– Значит, трое... – капитан Спайс помолчал, раздумывая о чём-то своём, и выдохнул в лицо Броккену клуб густого сигарного дыма. Пахнуло какао-бобами. Броккен закашлялся. Он терпеть не мог запах какао.

Капитан Спайс залепил Броккену тяжёлую пощёчину.

– Заткнись и не дёргайся, – посоветовал военный. – Давно на них работаешь?

– На кого? – ещё более испуганно спросил Броккен и получил вторую пощёчину. Правой щеке становилось жарко. Подставлять левую совсем не хотелось.

– Будешь валять дурака – оставлю валяться на земле. Навсегда. – В спокойном голосе капитана слышалась явственная угроза. Становилось понятно: капитан слов на ветер не бросает. – На пришельцев из космоса.

– Да не работаю я на них! – вскрикнул Броккен и получил третью затрещину.

Броккен чувствовал себя той затравленной кошкой, которая думает, что её бьют за то, что она гадит в тапки слишком мало.

– Не кричи, – повторил капитан. – Никто из местных и под страхом смерти никогда не приблизится к их кораблю, разве какие-нибудь идиоты. А ты на идиота не похож... Пришельцы всех местных затерроризировали. Они террористы. А ты на них работаешь, славный малый.

– Да кто террористы?! – шёпотом изумился Броккен. – Они славные ребята, душевные инопланетяне! Они меня к себе на планету жить звали, денег предлагали!

Капитан Спайс брезгливо посмотрел на Броккена, вынул сигару изо рта и сплюнул. С сигарой во рту капитан говорил на удивление внятно, а вот без сигары почему-то не столь отчётливо.

– Какой же ты жалкий неудачник, Броккен, если хочешь сбежать с родной планеты в надежде, что на новой планете у тебя наладится жизнь. Нет, Броккен, не наладится, от себя не сбежишь. Не получилось здесь, не получится и там. За деньги ты готов пожертвовать своей планетой? А, понимаю, ты, козёл, обозлён на общество, потому что твоя жизнь не сложилась, а? Хочешь отомстить. Я прав, Броккен? Может, ты из этих будешь, из маргиналов? Такие никому не нужны, даже самим себе.

“Ещё один!” – страдальчески подумал Броккен.

– Вы меня не так поняли! – поспешно сказал он и зажмурился, ожидая четвёртой затрещины, но её не последовало. Броккен открыл глаза и тут же получил четвёртую затрещину.

– Не ври мне, не надо, – ласково сказал капитан Спайс. – Независимо от того, что ты скажешь, мы разделимся с пришельцами. Они уже не первый год шпионят здесь, но мы, Гражданская Милитаристическая Оборона, уничтожим их. Мы отомстим пришельцам из космоса за многочисленные похищения мирных жителей и серию жестоких убийств трёх коров. Моих коров...

– Да я правду говорю! – взмолился Броккен.

– Бывал у них на борту?

– Нет.

Капитан Спайс поднялся.

– Главное мы узнали: число противника. Остальное неважно – мы профи. Ганс, Мыло!

– Да, капитан! – слаженно раздалось в ответ.

Броккен, который осторожно, стараясь не делать резких движений, сменил лежачее положение на сидячее, посмотрел в сторону отклика. Там стояли ещё пятеро военных. Двое откликнувшихся в такой же форме, как у капитана Спайса, а трое выглядели более гротескно. Выбритый до синевы здоровяк в берцах, чёрных штанах, оранжево-рыжеватой футболке, броники и перекинутой через грудь пулемётной лентой с такими огромными патронами, будто были рассчитаны на повальное истребление мамонтов. Здоровяк держал огромный пулемёт, и было непонятно, как он вообще удерживает эту махину. Стройный человек немецкой внешности в белом халате и оранжевых резиновых перчатках с крагами держал в руках пушку попроще,

но тоже какую-то крутую. Толстяк в оранжевом костюме и маске пожарника был вооружён огнемётом.

Капитан Спайс бросил сигару и ногой в берце размазал её по земле.

– Действуем согласно плану. Мы с вами двигаемся к точке С4, а оранжевая тройка к точке Ф1. Всем всё понятно?

– Да, капитан! – отрапортовали Ганс с Мылом.

Оранжевые потрясли оружием и вразнобой крикнули:

– Я могу убивать их по-новому!

– Их команда сплошь придурки!

– Мы сделаем это, камрад!

– И помните, – сказал капитан Спайс, – чтобы изменить мир, нужна красивая ложь и море крови. Вперёд.

Разделившись на две группы, военные, оставив Броккена на поляне, приблизились к мирно белевшему кораблю инопланетян. Самих инопланетян видно не было, зато перед кораблём стояла закрытая трёхлитровая банка. Внутри банки сидел котёнок и жалобно смотрел на внешний мир сквозь стекло. Заняв позицию, капитан Спайс, не обратив на котёнка никакого внимания, собрался дать отмашку, как оранжевые, заметив котёнка, всей гурьбой подбежали к банке.

– Какая милота! – трепетно воскликнул здоровяк-пулемётчик с синевой на подбородке.

– Айнс, цвай, драй, – нежно прицокнул языком доктор, действительно оказавшийся немцем. – Каким надо быть зверем, чтобы закрыть такую милашку в тесной банке!

Поджигатель ничего не сказал, а потянулся к банке, чтобы освободить котёнка.

– Стойте, идиоты, это ловушка! – закричал капитан Спайс, но было поздно.

Котёнок подействовал на оранжевых безотказно. Пленительная сила его чарующих глаз, умильной мордашки и крохотного беззащитного пушистого тельца действовала гипнотически. Поджигатель отвинтил крышку и вынул котёнка из банки.

– Мяу, – сказал котёнок и обратился в монстра.

Это был уродливый огромный шар бодрового цвета, обросший множеством шевелящихся отвратительных щупальцев с рядами острых, как лезвие, крючков и присосок. Более подробно описать это чуждое людям и противоестественное создание из глубин космоса нет никакой возможности, ибо не придумали ещё таких слов.

Монстр, бывший котёнком, оказался весьма проворным. В один миг он разорвал оранжевых вояк на кроваво-оранжевые куски, остервенело орудуя щупальцами с непостижимой скоростью. Поджигатель почти успел нажать на кнопку, доктор почти успел нажать на тумблер, пулемётчик почти успел нажать на спусковой крючок, как всё было кончено.

– Огонь по противнику! Отходим! Назад! – закричал капитан Спайс, стреляя по монстру.

Ганс и Мыло поддержали капитана огнём из автоматов. Несколько пуль угодили в обшивку космического корабля и с визгом отрикошетили, оставив царапинки.

Шар пуще прежнего зашевелил многочисленными тентаклями. Раздался зловеющий хохот, который мог принадлежать только древнему кровавому божеству, явившемуся, как обычно, из глубин космоса.

– Я Шуба-Ниггерта! – заявил шар, не забывая кровожадно шевелить щупальцами. – Глупцы, отныне ваши жизни принадлежат мне! Во имя Лавкрафта и его шизофрении!! Уха-ха-ха-ха!!

От низкого скрипучего смеха монстра в жилах стыла кровь. Пули, попадавшие в него, выбивали фонтанчики зелёной крови из омерзительной, морщинистой плоти, но никакого вреда не причиняли. В одно мгновение древнее божество, перемещаясь по воздуху, настигло военных и тоже разорвало их в клочья. Раздалось отвратительное чавканье.

Вернувшись к кораблю, Шуба-Ниггерта снова стал котёнком, который жалобно мявкнул и шевельнул хвостом.

Из корабля вышли трое пришельцев.

– А этот где? – обыденно спросил Бол и почесал свой вялый животик.

– Кажется, они оставили его на той полянке, – сказал доктор Зонтберг.

– Эй, с ведром! – крикнул Бол.

– Ч-чего в-вам! – уже не так смело откликнулся Броккен, полускрытый деревьями.

– Подь сюда, Броккен!

– С-спасибо, что-то не х-хочется.

– Да не бойсь, Шубик уже поел и снова лапочка. Смотри, я его в банке сейчас закрою.

Бол усадил страшного котёнка в банку и завинтил его крышкой с дырочками для дыхания.

– Х-хорошо.

Похолодевший и обалдевший Броккен, стараясь не замечать кровавые останки, робко приблизился к кораблю пришельцев.

– Брокк, ты мне только что сказал не просто хорошо, а секретное хорошо! Х-хорошо! Да расслабься. В общем так. – Бол показал на царапины на обшивке корабля. – Видишь следы от пуль?

Броккен кивнул.

– Будешь свидетелем нападения местных на нас. Если что, у нас всё записано на видео скрытыми камерами. Никуда не уезжай. Завтра заберём тебя на свою планету Фэроут. Ерунда. До неё всего-то 100 световых лет. Обратно с попуткой отправим. Выступишь на собрании Галактического Совета, и справедливость восторжествует. Мы объявим Новаскому войну. Попрана наша честь, Броккен. Пришло время выпускать капитана Синьяка из клетки.

Броккен, стараясь понять, осознать ли ему увиденное или постараться поскорее забыть – да и как вообще с этим жить дальше? – побрёл домой. Пустой взгляд тусклых глаз, безвольно приоткрытый рот, ссутулившиеся плечи, сгорбившаяся спина, вялые, ленивые движения будто сквозь воду... У Броккена был вид единственного выжившего после страшной катастрофы, в которой махом погибло несколько тысяч человек.

– Эй, с ведром! – крикнул Бол.

Спрятавшийся от реальности в себя, как улитка, вжавшаяся в ракушку, Броккен ничего не услышал.

– Эй, оглох что ли?!

– А? – Броккен оглянулся и непонимающе уставился на пришельца.

– Ты ведро забыл наполнить.

5. Братья

“Ты смотри-ка, как общение помогает, отвлекает и... развлекает! – мрачно размышлял Броккен по пути домой. – Особенно с душевными инопланетянами... В кровавой бане помылся – заново родился... Депрессию, как из чердака в окно выбросили! Правда, разбив при этом окошко к херам собачьим, кошачьим и чертячьим. И лишь ветер гуляет в башке у меня... В один миг маски сбросили, мать их. Сеанс шоковой терапии устроили, чтоб их... Ага, щас, побежал к ним документалочки посмотреть про их цивилизацию. Уже! Шутнички, блядь, хуевы.

Видать, не депрессия и была. Депрессия мощнее прессует... А это так, прихоти разума, крышечка от трехлитровой баночки с отверстиями для дыхания. А внутри этой баночки хоронился я: то в облике котейки, то в обличье монстра, который чуть что так ведром в голову ближнего своего, чтобы все раненные ходили, а не только он... Сходил, блин, за землицей... Теперь как бы посттравматический синдром не схлопотать. Не задавил депресс, так раздавит стресс.”

Чувствовал себя Броккен Мун очень скверно, оттого и острил, чтоб не рехнуться в одночасье. Хотелось унести в недостижимые дали покоя в стремительном болиде юмора, заправленном высокооктановым бензином бравады, от самого себя в этом паскудном состоянии эмоционального распада.

Процесс гибели отряда ГМО мелькал перед глазами отрывистыми и до отвращения яркими и отчётливыми кадрами, преимущественно в кровавых тонах. Вот живой, цельный человек, с которым он минуту назад разговаривал, а через мгновение вместо него – растерзанные куски, разбросанные по кустам. Будто по пазлу невидимым снарядом вlepили. Такая панорама смерти до самой смерти преследовать будет.

Как молотком стучит в ушах, и всё тошнит, и голова кружится, и мальчики кровавые в глазах...

На подходе к Зелёной Цитадели Броккен увидел мужика в жёлтой футболке с изображением зловещего чужого в его классической позе эмбриона с зелёной подсветкой. Под чужим красовалась чёрная надпись: “Чужой – главный ксенофоб научной фантастики!”. Мужик куда-то шёл. Кажется, он из соседнего дома, Нойшванштайна. Броккен, несмотря на пережитое, а может именно из-за него, почувствовал сильнейшее раздражение. Что за идиотская надпись у мужика на футболке? Это такая шутка? Да и у мужика вечно вид такой довольный, как у идиота. И рожа противная. Аж бесит. Каким надо быть напрочь отмороженным гиком, чтобы носить футболку с персонажем давно забытых дней? Кому сегодня нужен этот чужой? Чужих и без него хватает.

Засмотревшись на футболочного чужого, Броккен ступил во что-то неприятно мягкое и податливое. Предчувствуя недоброе, Броккен посмотрел вниз. Предчувствия не обманули. Дерьмо. В буквальном смысле слова. Вот дерьмо! Да уж, зло на каждом шагу, смотри, не вляпайся в него. А это к тому же очень пахучее зло. Злоехучее. То ничего не происходит, то всё разом липнет.

Броккен беспомощно оглянулся в поисках травы. Костяная парочка уже успела куда-то сдриснуть. Вот кому ботинок в чистку бы отдать. Забвение, знаете ли, очищает от любого дерьма.

Усердно обтерев подошву о край бетонной полосы, охватывающей Зелёную Цитадель, Броккен поднялся на восьмой этаж, хотя настроение у него было что ни на есть подвальное. Хотелось запереться в подвале и ужраться в соплину. Почему в подвале? А потому что настроение такое.

Поднявшись на восьмой этаж, Броккен тут же столкнулся с МегаЗадом, который устроил засаду на своём излюбленном месте в тупике коридора – у открытого окна.

Ещё бы не у открытого. За курение у закрытого окна госпожа Чечевичка сожрала бы МегаЗада, кстати, с *merde*. Но сперва бы с истошными воплями: “ПОМОГИТЕ!! ГОРИМ!!” отчаянно избила красными сапогами, которые госпожа Чечевичка всегда носила с собой, банановой связкой перекинув через плечо, на тот случай, если МегаЗаду вздумается курить, не открыв окна. И заодно кормила сапогами птиц.

Один раз госпожа Чечевичка уже провернула такое. После избиения МегаЗада госпожа Чечевичка безжалостно смешала его с грязью, развернулась и унесла сапоги в свою квартиру. Бедный МегаЗад, и без того тощий и болезненный, от пережитого шока едва не бросил курить, но вовремя опомнился. Госпожа Чечевичка едва не лишила МегаЗада единственной радости в его нелёгком и одиноком быту.

МегаЗад покойно дымил сигаретой в ожидании жертвы и, величественно сложив худые ручонки на впалой груди, запахнутой в вызывающе драный халат, скорбно смотрел в окно. Обернувшись на звук шагов, МегаЗад до неприличия искренне обрадовался появлению жертвы.

– Здоров, сосед! Как жизнь, сосед, как дела? – МегаЗад совершил напористую разведку боем.

Голова синекожего МегаЗада, лысая, огромная и репообразная, мелко тряслась от предвкушения безнаказанно выговориться.

– Норм, – сухо ответил Броккен, у которого не было ни малейшего желания слушать, как безнаказанно выговаривается МегаЗад.

– Там чё, опять эти голожопые серожопики на своём утюге припёрлись? Я видел, как они приземлились на своём пустыре и за высоким забором спрятались. А потом смотрю, ты оттуда выходишь. Так я уж решил вторую выкурить, чтоб тебя дожидаться. Ты чё, сосед, этих звезданутых мутантов не испугался? Они же того, всех подряд похищают.

– А я кустами.

МегаЗад коротко и равнодушно мыкнул и со свойственной ему деревянной прямоотой переключился на свои дела:

– Сосед, ты не представляешь, сколько вокруг мудачья! Я сам только недавно начал это осознавать. И всё это мудачье так и норовит использовать меня в качестве унитаза. Лезут и лезут со своими негативными признаниями!

– Какими ещё негативными признаниями? – машинально спросил любопытный Броккен.

Ему очень нравилось, когда собеседник рассказывает какие-то подробности о себе и вообще что-то новое, хотя, казалось бы, норму историй на сегодня Броккен с лихвой перевыполнил на десятилетия вперёд. Истории были его слабостью, наверное, оттого, что он сам никак не мог сочинить интересный сюжет для книжки. Все надумки виделись второсортными и скучными.

МегаЗад был не из тех, кому надо повторять дважды. Броккен, мающийся в поисках сюжета, проглотил наживку, и МегаЗад приступил к безнаказанному выговариванию:

– Да вот припёрся ко мне недавно Стеблан Сморчков со второго этажа. Ну, симпсон этот. С бутылкой, разумеется. Тыщу лет с ним не общались, а тут припёрся. Говорит, прикинь, Абразовский миллионером стал! Возмущается, да как так, говорит, да за что?! Он же, кричит, набитый дурак, а разбогател! Не иначе как наворовал! Вот, кричит, дуракам везёт! А я вот умный, кричит, а попробуй чего украсть, так меня мигом повяжут! А я, сосед, знаешь, что ему сказал? Знаешь что? Я ему говорю, хошь, я тебе в лоб звездану? Обиделся – ушёл. Эта ещё краля на днях приходила, с седьмого этажа, Какан Сакан. Я про себя называю её Верховной Ведьмой седьмого этажа. А коридоры у нас тут длинные... Хе-хе. Говорит, у меня по вечерам лучшие умы этажа собираются, обсуждаем искусство, политику. Меня к себе звала. А я ей, знаешь,

сосед, что сказал? Знаешь, что я ей сказал, сосед, а? Сказал, я тебе сейчас руку выверну. Ну откуда у этой дуры ум, чтобы что-то обсуждать? Один негатив только люди приносят с собой. Потом ещё кто-то приходил зачем-то, не упомяну уже, но я предложил ему врезать сковородой по его тупой роже. Больше никто из них ко мне не приходил. Мигом зауважали!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.